

Волков А.А., Филатов А.Ю.

Владивосток, ДВФУ

volkov.aalek@dvfu.ru, alexander.filatov@gmail.com

КОРРУПЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ НА ТАМОЖНЕ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В 2020 году Россия заняла 129-е из 180 мест в международном рейтинге индекса восприятия коррупции Transparency International. В частности, негативное влияние коррупции прослеживается в международной торговле из-за нарушения торгового баланса страны за счет увеличения импорта, а также увеличения времени ожидания прохода товаров на границе. Также следствием коррупции является рост бедности и усиления неравенства в обществе (Van Rijckeghem, Weder, 1997), а также ухудшение здоровья населения (Mavisakalyan, Otrachshenko, Popova, 2021).

Само восприятие коррупции как набора правил, которые влияют на экономику страны (Aidt, 2003) можно подразделить на четыре различных вида коррупции, в зависимости от того, как она вписана в экономическую систему. «Эффективная коррупция» является полезной, более того, она исправляет «провалы рынка». Такая коррупция идет исключительно из альтруистической мотивации экономических агентов. Вторым видом является коррупция с доброжелательным принципалом, где госслужащий рассматривается как человек повышающий эффективность и производящий действия, исходя из альтруистических предпосылок. Обратной ситуацией является коррупция с недоброжелательным принципалом, где чиновником двигает поиск лишь собственной выгоды, как рационального индивида. Здесь в наибольшей степени применимы теоретико-игровые модели, описывающие поведение Homo Economicus (Basu, Basu, Cordella, 2016). При этом в действительности экономические агенты далеко не всегда ведут себя рационально, и на их поведение оказывают сильное влияние культурные и социальные нормы, принятые в обществе. Эта ситуация может приводить к самоусиливающейся коррупции, последнему из встречающихся ее видов.

Существуют два подхода к коррупции. Первый из них основывается на том, что ключевой фактор, лежащий в основе асоциального поведения – это стремление к максимизации прибыли. С такой позиции явление коррупции впервые рассматривалось в рамках теоретико-игровых моделей, описанных в (Rose-Ackerman, 1975). Среди недавних работ, описывающих коррупцию в рамках неоклассических моделей, следует отметить статью (Basu, Basu, Cordella, 2016), где изучаются вопросы снижения наказания коррупционеров при выполнении определенных условий.

Описывая коррупционное взаимодействие через неоклассические модели, мы говорим о формировании картельного сговора, исходящего из

доверия между экономическими агентами (Lianju, Luyan, 2011). Наиболее примитивным, но в то же время эффективным механизмом является усиление аудита, что демонстрирует эксперимент, проведённый в индонезийских деревнях (Olken, 2007). Было обследовано 428 фирм на предмет склонности к коррупционным схемам при усилении внешнего аудита. Результаты показывают, что проверка каждой из сделок снижает вероятность коррупционного поведения, что проявляется в виде снижения издержек на постройку дороги почти на 8%.

Демонстрацией стратегического подхода также является исследование коррупции китайских чиновников (Aidt, Hillman, Qijun, 2020). Фактически статья опровергает действие эффекта Томаса Беккета в китайской среде – предположения о том, что чем более высокую должность занимает человек, тем более просоциально он действует. Результаты опровергают это предположение и выводят новую зависимость, которая демонстрирует, что чем выше находится чиновник в государственной иерархии, тем больше его поведение носит асоциальный характер.

Иной подход говорит, что на асоциальное поведение влияет институциональная среда, то есть культура, традиции или иные неформальные нормы. Эксперимент, проведённый в США с участием 500 студентов, показал, что влияние культурных норм не исчезает даже если люди не были рождены и не жили в странах своих родителей (Salmon, Serra, 2017). Более того была выявлена корреляция по толерантности к восприятию коррупции и местоположению страны в рейтинге восприятия к подобному поведению. Соответственно, чем ниже положение страны в рейтинге, тем снисходительнее относятся испытуемые. При этом более 90% участников эксперимента были родом из США. На основании этого выстраивалось предположение о том, что испытуемые восприняли неформальные нормы, принятые в американской среде, но оно не подтвердилось, тем самым став доказательством влияния культуры, в обособленных сообществах.

Отсюда мы подходим к изучению влияния социальных норм на коррупцию. Одним из недавних исследований является эксперимент, проводимый в Албании (Narri и др., 2020). Кейс Албании интересен тем, что на своём историческом пути страна пережила довольно много культурных и политических сдвигов институциональных преобразований. Сюда можно отнести коммунистический режим сталинского типа, итальянскую оккупацию. Но наибольший вклад сюда внесла Османская империя, под влиянием которой жители страны стали мусульманами. Это дало серьёзный отпечаток на восприятие таких понятий, как «взятка» и «коррупция», которые зачастую не воспринимаются населением толерантно вне зависимости от формулировки инструкций эксперимента (Uberti, 2018). Результаты проведённого эксперимента показывают, что

увеличивается только цена риска, но частота незаконных взаимодействий действительно меняется. Но количественно величина взятки не меняется. Это подтверждает мысль о влиянии норм, так как фактически авторы в этом исследовании проводят сравнение с результатами по Германии (Abbink, Hennig-Schmidt, 2003)

В качестве контекста для исследования нами было выбрано взаимодействие экономических агентов на таможне, поскольку есть факты, что в таможенных органах присутствует значительная коррупция. По данным за 2019 год из 159 уголовных дел о коррупции 58 касались работы таможни. А из 505 проверок, осуществленных таможенными органами в том же году, 445 были с нарушениями, которые были связаны, в том числе, с нарушениями в сфере процедур перевозки грузов¹.

В некоторых странах в сфере таможенной политики приняты программы сотрудничества со следствием. Ярким примером может здесь служить Сингапур (Quah, 2001). Но подобные меры принимаются только в комбинации с ротацией кадров (Abbink, 2004) и повышением заработной платы (Van Rijckeghem, Weder, 2001). Подобные программы также приняты в США в 1993 году и в ЕС в 1996 году.² Несмотря на то, что механизм направлен на выявление сговора компаний, это вполне описывает ситуацию нарушения коррупционного сговора. Так эффективность подобной программы описана у Brenner, 2009. Введение программ сотрудничества со следствием снижает издержки судопроизводства, сокращает время расследования, а также увеличивает в целом раскрываемость сговора.

Коррупция – это нестандартный объект для исследования. Привычные качественные методы, например, слабо применимы, поскольку это явление, характеризуется сокрытием сговора между экономическими агентами (Ziegler, Romagnoli, Offerman, 2021). Количественные методы исследований ограничены скудными данными статистики по коррупции на таможне, что не позволяет установить какие-либо характеристики поведения. В частности, с помощью модификации «игры со взяткой», описанной в работе (Abbink, Renner, 2002), мы попытаемся выяснить, что лучше для подрыва доверия к институту коррупции – внешнее наказание и контроль или возможность получить вознаграждение за предоставление информации о сговоре между импортером и таможенником.

В данном исследовании мы воспроизведём модель которая была теоретически описана в статье (Dufwenberg, Spagnolo, 2015). В ней воспроизводится механизм самоотчётности, являющийся ключевым фактором снижения коррупции (Abbink, Wu, 2017). Авторы проводят 4

¹ Федеральная таможенная служба. URL: <https://customs.gov.ru/activity/protivodejstvie-korrupczii/doklady,-otchetu,-obzory,-statisticheskaya-informacziya/rezul-taty-raboty-upravleniya-po-protivodejstviyu-korrupczii/document/224184>

² Министерство юстиции США. URL: <https://www.justice.gov/atr/corporate-leniency-policy#:~:text=The%20Division%20has%20a%20policy,for%20the%20activity%20being%20reported>

эксперимента, с помощью которых выясняются наиболее эффективный подход к разрушению картельного сговора. Главным результатом является то, что подобные меры работают, когда возможность доложить о факте проявления коррупции даётся и импортёру, и госслужащему. Примечательным фактом является также то, что служащие таможни более охотно нарушают сговор.

Наш экспериментальный дизайн будет отличаться тем, что участники, играющие роль импортёров, будут изначально неоднородными. Это создаёт возможность для проверки предположения о том, что импортёры охотнее дают взятки, имея больший потенциальный объем прибыли. А далее проводится проверка того, насколько готовы нарушить сговор таможенники.

Базовая игра представляет собой модель «Bribery game» (рис.1). В ней представлено два игрока: импортёр (I), который принимает решение о даче взятки, и таможенник (C), который принимает или не принимает взятку. Также есть государство (G), являющееся выгодополучателем и распределителем денежных средств. Величины взятки b , а также доли легально и нелегально провозимого объема товара зависят от $Q \in [500; 1000]$ – случайно заданного объема потенциальной прибыли. При этом $Q = q_1 + q_2$, где q_1 – «чистый» объём прибыли, который облагается пошлиной $t = const$, $t \in [0,1]$, а q_2 – объём прибыли, который мы желаем провезти беспошлинно за взятку.

Таможенник может оказаться в двух ситуациях. Если импортер решает не давать взятку, ему ничего не остается, кроме как провести все необходимые таможенные процедуры и получить заработную плату 100 у.е. Если ему предложили взятку, он может принять или отклонить ее. В случае отклонения ситуация эквивалентна случаю честного импортера. Если же таможенник взятку берет, то к его выигрышу добавляется взятка, и он будет равен $100 + b$.

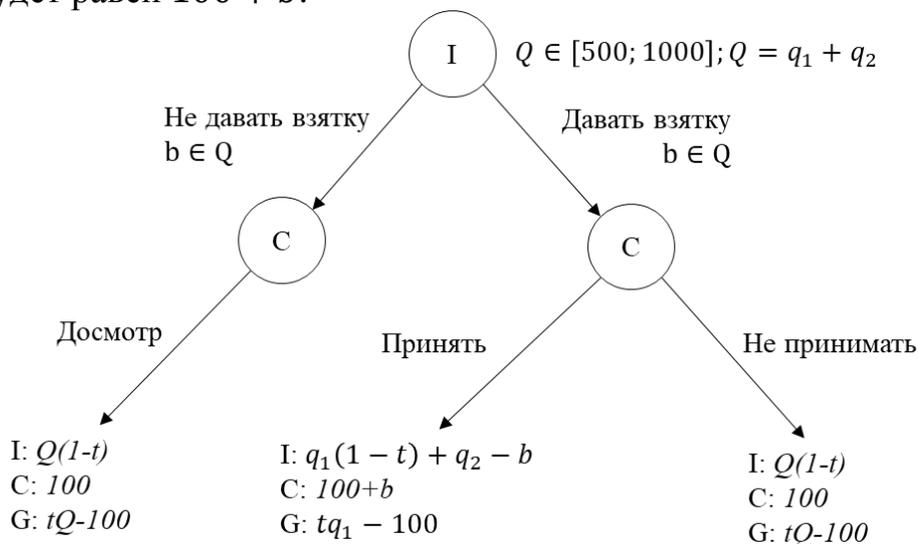

Рис.1. Схема базовой игры

Государство в случае, когда один из игроков является честным, получает разность уплаченной пошлины за весь товар и заработной платы таможенника. При сговоре государству достаётся пошлина только за легальную часть товара. При данном дизайне из-за отсутствия наказания равновесием будет дача взятки импортёром и принятие её таможенником. При этом весь объем товара Q провозится беспошлинно. Выигрыш импортёра составляет $Q - b$. А государство несет убытки в 100 у.е. на зарплату ненужного таможенника.

Нарушить ситуацию картельного сговора, возникающего в результате взаимодействия импортёра и таможенника возможно при помощи механизма разрушения доверия внутри игры. Вводится возможность сотрудничества таможенника с государством или самоотчётности (self-reporting). Если таможенник не принимает взятку и сообщает о данном факте, то государство платит ему за нарушение сговора величину w . Государство в данном случае несет соответствующие дополнительные расходы, но не только получает всю сумму таможенных сборов с объема q_1 , но и конфискует нелегально провозимый товар в объеме q_2 . Фактически в данной схеме начинается своеобразная ценовая война между государством и импортёром, кто больше заплатит таможеннику (рис.2).

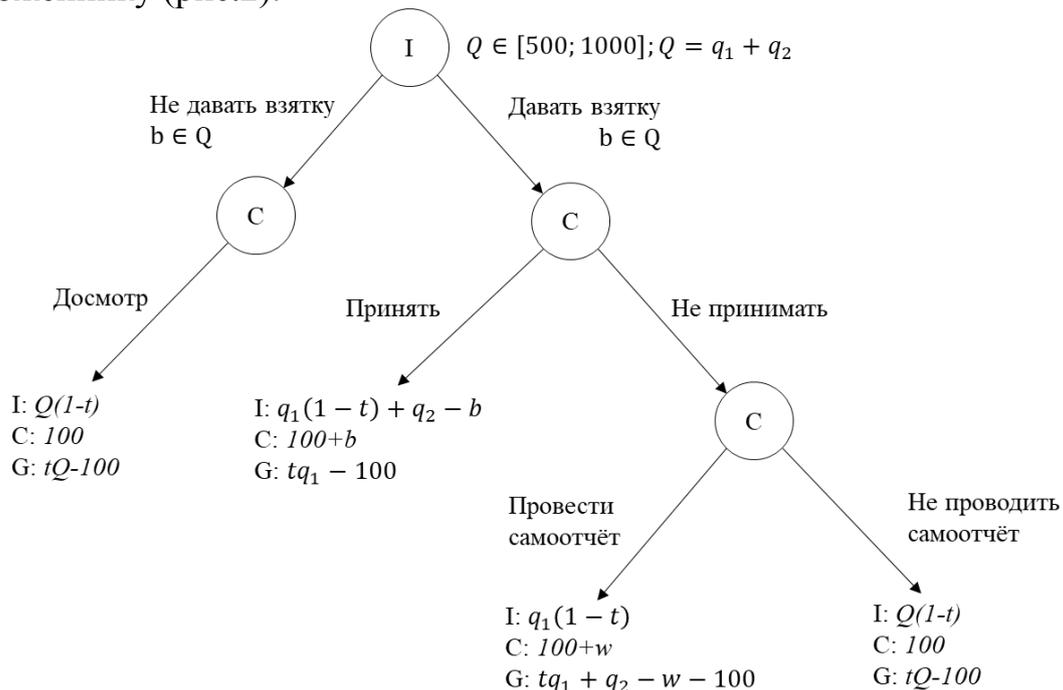

Рис.2. Схема модифицированной игры

В теоретико-игровой постановке при малом размере премии $w < tQ$ импортёр может предложить таможеннику более выгодные условия, а значит, таможенная пошлина собрана не будет. При большой премии $w > tQ$ государство выигрывает борьбу. Рациональный импортёр не дает взятку, и коррупция оказывается уничтожена.

В то же время поведение реальных людей может существенно отличаться от оптимальных паттернов, и целью проводимого в лаборатории экспериментального исследования является оценить, как люди могут вести себя на самом деле, и какие факторы влияют на их склонность к оппортунистическому поведению.

Список использованной литературы:

1. Abbink K., Renner E. An experimental bribery game // *Journal of Law, economics, and organization*. 2002. Т. 18. № 2. С. 428–454.
2. Abbink K., Wu K. Reward self-reporting to deter corruption: An experiment on mitigating collusive bribery // *Journal of Economic Behavior and Organization*. 2017. Т. 133. С. 256–272.
3. Aidt T. S. Economic analysis of corruption: A survey // *Economic Journal*. 2003. Т. 113. № 491. С. 632–652.
4. Aidt T. S., Hillman A. L., Qijun L. I. U. Who takes bribes and how much? Evidence from the China Corruption Conviction Databank // *World Development*. 2020. Т. 133. С. 104985.
5. Basu K., Basu K., Cordella T. Asymmetric Punishment As an Instrument // *Journal of Public Economic Theory*. 2016. Т. 18. № 6. С. 831–856.
6. Dufwenberg M., Spagnolo G. Legalizing Bribe Giving // *Economic Inquiry*. 2015. Т. 53. № 2. С. 836–853.
7. Harri A. и др. Effects of subject pool culture and institutional environment on corruption: Experimental evidence from Albania // *Economic Systems*. 2020. Т. 44. № 2. С. 100783.
8. Jong E. de, Bogmans C. Does corruption discourage international trade? // *European Journal of Political Economy*. 2011. Т. 27. № 2. С. 385–398.
9. Lianju S., Luyan P. Game Theory Analysis of the Bribery Behavior // *International Journal of Business and Social Science*. 2011. Т. 2. № 8. С. 104–107.
10. Mavisakalyan A., Otrachshenko V., Popova O. Can bribery buy health? Evidence from post-communist countries // *Journal of Comparative Economics*. 2021. № April. С. 1–17.
11. Olken B. A. Monitoring Corruption: Evidence from a Field Experiment in Indonesia All use subject to JSTOR Terms and Conditions Monitoring Corruption: Evidence from a Field Experiment in Indonesia // *Chicago Journal*. 2007. Т. 115. № 2. С. 200–249.
12. Quah J. Combating corruption in Singapore: What can be learned? // *Journal of Contingencies and Crisis Management*. 2001. Т. 9. № 1. С. 29–35.
13. Rijckeghem C. Van, Weder B. Corruption and the Rate of Temptation: Do Low Wages in the Civil Service Cause Corruption? Washington D.C.: IMF Working Paper, 1997.
14. Rose-Ackerman S. The economics of corruption // *Journal of Public Economics*. 1975. Т. 4. № 2. С. 187–203.
15. Salmon T. C., Serra D. Corruption, social judgment and culture: An experiment // *Journal of Economic Behavior and Organization*. 2017. Т. 142. С. 64–78.
16. Uberti L. Corruption in transition economies: Socialist, Ottoman or structural? // *Economic Systems*. – 2018. – Т.42. – №4. – С.533-555.
16. Ufere N. и др. Merchants of Corruption: How Entrepreneurs Manufacture and Supply Bribes // *World Development*. 2012. Т. 40. № 12. С. 2440–2453.
17. Ziegler A., Romagnoli G., Offerman T. Morals in multi-unit markets // *SSRN Electronic Journal*. 2021.